

Я осознала, что внутри меня происходит нечто странное, и поспешила взять себя в руки. Мы с ней теперь просто приятельницы, какое я имею право ревновать её к другим? Тем более что Чжан Юаньюань — её бывшая соседка по парте, они всегда были в хороших отношениях.

Я выдавила из себя улыбку:

— Прости, не рассчитала силу.

Чжан Юаньюань повернулась к Чэн Ди и усмехнулась:

— Ну точно убийца! Чэн Ди, нам с тобой не поздоровится.

— Ничего страшного, это всего лишь игра. Главное — не проиграть с позором, — ответила та, одарив Чжан Юаньюань улыбкой.

Черт возьми, когда ты стала такой улыбчивой с другими? И когда это вы успели стать «мы»?

Гнев снова вскипел внутри, но я, к счастью, сумела его подавить.

Игра продолжалась. Я перешла на щадящий режим, удерживая преимущество в одно очко — так, чтобы их положение не казалось совсем уж плачевным, но и не давая им развернуться. Когда партия закончилась, Чжан Юаньюань с досадой бросила ракетку:

— С ума сойти, никак не отыграться!

Мы вчетвером подошли к скамейке и присели. Ван Мэй сказала:

— Видали? Наша Ниннин просто мастер. С ней, хе-хе, я даже с плохой игрой всегда выигрываю. — Она повернулась ко мне: — Сяо Нин, я тебя просто обожаю! Ну же, поцелуй меня!

Мы с Ван Мэй привыкли дурачиться, поэтому я рассмеялась:

— Тебе пота или минералки?

Она, конечно же, без лишних слов приняла минералку.

Чэн Ди протянула полотенце Чжан Юаньюань:

— Сотри пот.

Мне вдруг стало тоскливо.

Цзя Лань и Кан Кай вышли на одиночный матч. Цзя Лань была худощавой, но била сильно, Кан

Кай тоже не уступал. Они были достойными соперниками, и игра получилась захватывающей.

Чэн Ди и Чжан Юаньюань о чем-то весело болтали в метре справа от нас. Ван Мэй же, указывая на Цзя Лань и Кан Кая, спросила меня:

— Как думаешь, они смотрятся вместе?

У Цзя Лань были короткие темно-каштановые волосы — в её образе сочетались свежесть и легкое очарование. Кан Кай же выглядел как настоящий красавчик из японских комиксов. Вместе они смотрелись весьма колоритно.

К счастью, Кан Кай был слишком занят игрой с Цзя Лань, иначе он бы очень расстроился, услышав это. Хотя уверенности не было, мы с Цзя Лань знали, что Кан Кай неравнодушен к Ван Мэй. Увы, чувства Кан Кая были безответны: Ван Мэй не принимала их всерьез, продолжая общаться с ним легко и непринужденно, избегая любых разговоров о любви.

Мы сыграли еще две партии. Двое мужчин, наблюдавшие за нами со стороны, подошли и попросили показать им мастер-класс.

Я усмехнулась:

— Ну хорошо, давайте.

Видя, что Чэн Ди и Чжан Юаньюань увлечены беседой, я положила волан на ракетку, громко объявила:

— Начали! — и, подбросив волан в воздух, нанесла красивый удар с прыжком.

Я надеялась, что эта игра привлечет внимание Чэн Ди, что я смогу выплеснуть всё свое раздражение на волан и этих двух мужчин.

Но я ошиблась. Несмотря на то что я выложились на полную, прижав соперников к стенке, несмотря на то что я блистала на корте, Чэн Ди так и не взглянула в мою сторону.

Чжан Юаньюань, правда, смотрела на меня с интересом, но Чэн Ди достала телефон и, уткнувшись в него, то ли писала сообщение, то ли играла.

Моё раздражение росло, а удары становились всё жестче. Ван Мэй и остальные подбадривали меня, и каждый раз, когда я делала красивый ход, Ван Мэй вскакивала с криком:

— Сяо Нин, ты просто супер!

Удивительно, куда девается её энергия во время игры.

Закончив партию с мужчинами, я обессиленно рухнула на скамейку. Ван Мэй подошла вытереть мне пот:

— Ниннин, я тебя обожаю! Как ты это делаешь?

Я рассмеялась:

— Знаю-знаю, я тоже тебя люблю.

Похоже, я совсем перегрелась от злости, иначе с чего бы мне шутить так с Ван Мэй на глазах у Чэн Ди?

Тот парень, что был помоложе, вытер пот и подошел ко мне:

— У тебя отличная техника, восхищен! Можно твой номер телефона? Будем играть вместе.

Я всегда любила заводить друзей, особенно таких энергичных и увлеченных спортом, поэтому продиктовала ему свой номер. Оказалось, что его зовут Шао Чжэньдун, а его напарник — его двоюродный брат Шао Гунъюань. Я стала звать его А-Дун, так мы и подружились.

По делам они вскоре ушли. Ван Мэй тут же придвинулась ко мне:

— Неплохо! Только приехала, а уже кавалеры. По-моему, этот Шао Чжэньдун ничего, такой солнечный парень. Бросай своего Сы Мина!

— Тебе так не нравится Сы Мин? А я вот решила, что он мой, — не знаю, кому я это сказала — Ван Мэй или Чэн Ди.

Сидевшая рядом Цзя Лань рассмеялась:

— Ван Мэй, оставь парня в покое. Хоть я тоже не в восторге, но Сы Мин наверняка неплох, иначе с чего бы Сяо Нин выбрала его?

Кан Кай тоже встрял в разговор:

— Точно! Как-нибудь придушим его за ужином.

Ван Мэй повернулась к нему:

— Сначала поймай его! Сегодня ты платишь!

Кан Кай втянул голову в плечи и согласился. Вшестером мы приняли душ, переоделись и отправились ужинать.

За столом я сидела между Цзя Лань и Ван Мэй, напротив меня — Чжан Юаньюань и Чэн Ди. Я

весело болтала с подругами, а те двое шептались, как лучшие подружки, изредка вставляя реплики в общий разговор. Стол ломился от угощений, но я почти ничего не съела, лишь болтала, да и у Чэн Ди, кажется, аппетита не было.

После ужина мы разъехались, но мне нужно было отвезти Чэн Ди обратно в мой район. Легкость, с которой мы ехали сюда, сменилась тишиной. Её руки больше не обнимали меня за талию. Мне хотелось ехать быстрее, чтобы поскорее избавиться от этой гнетущей атмосферы, но я боялась, что она не удержится и упадет.

Даже при всей моей осторожности случилась неприятность: на повороте выскочил мотоцикл. Я резко затормозила, и Чэн Ди упала. Мотоциклист, поняв, что натворил, даже не остановился, а прибавил газу.

Мне ужасно хотелось отрастить крылья, догнать его и заставить прочувствовать, каково это — падать с байка. Но это были лишь фантазии. Куда важнее было узнать, как Чэн Ди. К счастью, она лишь неудачно прыгнула и ушибла правую ногу.

— Поехали в больницу, — сказала я.

Она покачала головой:

— Ничего страшного, отдохну — пройдет.

Я с беспокойством смотрела на неё, но она настаивала на своем. Мне пришлось уступить:

— Ладно. Тогда я вызову тебе такси.

Она снова отказалась:

— Уже почти приехали, давай на твоём велосипеде, я буду осторожна.

Так мы и поехали дальше. Перед тем как тронуться, я строго наказала:

— Держись крепче!

Она ответила «угу» и обняла меня за талию.

Я ехала, затаив дыхание, и почувствовала, как она медленно прижалась лицом к моей спине.

Вернувшись в район, я припарковала велосипед, помогла ей дойти до подъезда, поднялась на лифте на седьмой этаж, в квартиру 703.

Я уложила её ногу на диван и пошла налить воды. Вдруг она произнесла:

— Хочу киви.

Ты издеваешься надо мной? У меня есть водопроводная, кипяченая, чай и апельсиновый сок, а ты хочешь киви.

Я пристально посмотрела ей в глаза, пытаюсь понять, что она задумала. Она не отвела взгляд — в её ясных глазах читалось упрямство.

Мы молча сверлили друг друга взглядом, пока я не сдалась и не развела руками:

— Ладно, схожу куплю.

Я снова спустилась с седьмого этажа в магазин у дома. Выходя из него, я вдруг что-то вспомнила, вернулась и купила керамическую кружку и тапочки.

Когда я вернулась в 703, она сидела, обхватив мою чашку и попивая кипятком. Я не знала, плакать или смеяться.

— Ты специально, да? — спросила я, вспоминая её поведение днем, отчего внутри снова всё закипело.

— Что специально? — она мастерски прикинулась дурачком.

Мне хотелось сказать: ты специально болтала с Чжан Юаньюань, чтобы вызвать у меня ревность, специально не держалась за меня, чтобы упасть и заставить меня волноваться, специально заставляешь меня бегать за соком. Но подумалось, что так мы вернемся в те времена, семь лет назад, когда ревность была обычным делом. У неё было сильное чувство собственности, она вечно хотела подтверждений, что она у меня единственная, а у меня было много друзей, и контактов не избежать. Конечно, я тоже была собственницей, но у неё друзей было мало, поэтому возможностей для этого у меня почти не было.

Я глубоко вздохнула, напоминая себе, что мы просто друзья и не стоит обращать внимания на такие мелочи, и легко улыбнулась:

— Специально заставляешь меня бегать на побегушках.

Уголки её губ чуть дрогнули, но лицо снова стало бесстрастным.

Я помыла новую кружку, налила сок из киви и подала ей. Она посмотрела на кружку, приняла её, и её голос прозвучал холодно:

— Спасибо.

— Кстати, ты в прошлый раз забыла забрать жасмин. Заберешь, когда будешь уходить.

Она подняла на меня взгляд:

— Пусть пока побудет у тебя. Я хочу сделать перестановку дома, как закончу — заберу.

— Я не мастер ухаживать за цветами. Если твой цветок за несколько сотен завянет, я не смогу возместить ущерб.

— Если завянет — не надо возмещать. Просто присмотри за ним.

Неужели при перестановке не найдется места для одного горшка? Её причина звучала неубедительно. Я никак не могла понять, почему она так настаивает, чтобы я оставила жасмин у себя.

Пока я размышляла, она наклонилась, потерла правую ногу и добавила:

— Нога все еще болит. Я останусь у тебя на ночь.

Я снова была поражена. Ощущение, что она вторгается на мою территорию, становилось всё острее.

Это не к добру, напомнила я себе.

— Может, не стоит? Твой муж будет волноваться...

— Я позвоню ему, все будет в порядке.

Она тут же достала телефон и набрала номер:

— Алло, Цзяньсян, я тут задержалась, переночую у однокурсницы, завтра вернусь.

На том конце, видимо, согласились. Она добавила:

— Я буду осторожна. Отдыхай, не засиживайся.

Не знаю, что я чувствовала в тот момент. Я никогда не видела её мужа, но знала, что они прекрасная пара. Я должна была порадоваться за неё, и я действительно это делала, но почему же в сердце так кололо?

Закончив разговор, она поджала ноги и стала медленно массировать ушибленное место. Раньше я бы уже давно бросилась помогать, но сейчас просто стояла и смотрела, как она слегка хмурится.

Мне хотелось отдалиться от неё, чтобы моё сердце не металось из стороны в сторону, не желая подчиняться. Я не хотела снова тонуть в этих нежных, но бесперспективных чувствах, не хотела, чтобы её спокойная жизнь нарушилась из-за моего возвращения. Но в то же время моё сердце тянулось к ней, готовое быть прирученным при каждом её приближении, готовое безмолвно вдыхать аромат её дурмана...

Чэн Ди подняла голову и спросила, о чем я думаю. Я покачала головой, вспоминая, что она почти ничего не ела за ужином, и спросила:

— Хочешь чего-нибудь поесть или попить?

Она задумалась:

— Хочу каши. — Никакого стеснения.

— У меня есть маш, хочешь кашу из маша?

Она кивнула и снова улыбнулась.

— Тогда смотри телевизор, а я пойду приготовлю. — Я нашла пульт, отдала ей и пошла на кухню.

На кухне было жарко, но, замочив бобы и промыв рис, я так и осталась стоять там, не желая возвращаться к Чэн Ди.

— Сяо Нин...

Я замерла, глядя на бобы, услышав её голос.

Если память мне не изменяет, это был первый раз за семь лет, когда она назвала меня по имени. Семь лет я не слышала, как она говорит «Сяо Нин»... Этот теплый, прохладный голос, словно весенний ветерок, пронзил меня насквозь, ударив прямо в сердце, заставив меня невольно вздрогнуть.

Семь лет. Сколько таких лет в человеческой жизни? И что я делала эти семь лет? Училась, получала диплом, влюблялась, работала... Но больше всего я, наверное, скучала по Чэн Ди. Когда преподаватель монотонно читал лекцию, когда я ждала автобус, когда видела белое платье или длинные прямые волосы... В бесчисленные моменты, стоило моим мыслям остаться без дела, как я вспоминала её — этот образ, проникавший повсюду...

И когда я наконец решила, что всё улеглось, она снова появилась в моей жизни, ворвавшись мягко, но настойчиво, заставляя меня бояться близости, но будучи не в силах отказать. Как сейчас: она хочет сок из киви, но разве апельсиновый не утолил бы жажду? Она хочет каши, но голодна ли она на самом деле?

Она просто пытается убедиться, что я всё ещё не могу ей отказать. Она просто хочет знать, что для меня она всё ещё... единственная.

<http://bllate.org/book/20983/2130415>